

Две недели подготовки к командировке были разорваны в клочья одной маленькой кошкой.

Дни раздражения, накопленной потребности и хищной жажды растаяли в тепле его рук, в готовности Фу Гэ отдать себя без остатка. И прежде чем Ци Хань осознал, его пик чувствительности обрушился раньше срока, вынуждая их обоих застрять в этом здании.

В тот день весь деловой центр был закрыт на карантин.

В полдень всех сотрудников отправили домой, а здание оцепили, потому что никто не знал, как поведёт себя альфа во время первого в жизни пика чувствительности после превращения в энигма. Врачи предполагали, что его порог резко взлетит до опасного уровня, возможно, даже спровоцирует агрессию.

Три уровня охраны выстроились вокруг здания. Две бригады медиков стояли в полной готовности.

Каждые пятнадцать минут высотные краны распыляли блокаторы феромонов, чтобы запах Ци Ханя не спровоцировал массовый хаос среди альф в округе.

Некоторые специалисты предложили немедленно прекратить попытки биологической стабилизации и ввести ему мощные препараты. Они были уверены, что нахождение беты рядом с Enigma в пик чувствительности — смертельно опасно.

Но вопреки всем прогнозам, в шесть вечера из здания не вырвался взбешённый зверь.

На ступенях делового центра появился Ци Хань.

Он шёл спокойно, не дрожа, не сорвавшись в бессознательную ярость.

В его руках спал Фу Гэ.

Ци Хань выглядел безупречно. Одежда сидела идеально, осанка ровная, феромоны плотно под контролем. Только на шее поблёскивал лёгкий слой влажного пота — единственное свидетельство того, что он действительно прошёл через пик.

Медики замерли, переглядываясь в немом вопросе. Никто не мог понять, что только что произошло.

Спустя пару секунд они опомнились и поспешили к нему с приборами, намереваясь измерить его уровень феромонов, давление и пульс.

Ци Хань остановился и коротко кивнул:

— Подождите.

Он обошёл их и, подойдя к машине, бережно уложил спящего бета на сиденье, укутал пледом и, наклонившись, тихо прошептал что-то у него у уха.

С точки зрения врачей это выглядело как тихий, личный разговор.

А потом из-под пледа медленно, неуверенно вытянулась тонкая, дрожащая рука.

Ци Хань тут же накрыл её своей, поднёс к губам и нежно поцеловал.

— Будь умничкой, я быстро проверюсь и вернусь через пять минут.

Тот, кто был закутан в плед, вздрогнул, едва слышно заскулил, даже не в силах разлепить веки. Густые, влажные ресницы дрожали на бледных щеках, словно тонкие лепестки в тумане.

Фу Гэ выглядел как мокрый котёнок, настигнутый ливнем, — только пушистая макушка едва выглянула из-под одеяла, чтобы нежно потереться о его пальцы.

— Тогда... поторопись...

За его спиной молодая медсестра вытянула шею, пытаясь заглянуть внутрь машины.

Но тут же получила подзатыльник от старшей коллеги.

— Чего глазеешь?! Ты вообще понимаешь, кто там?! Думаешь, можно вот так просто пялиться?!

Медсестра смущённо потёрла лоб.

— Ой, Лю Цзе, но скажи... этот Enigma вообще вошёл в пик чувствительности или нет? Вся эта шумиха... вдруг это просто ложная тревога?

Лю Цзе покачала головой и фыркнула:

— Да где у тебя глаза?! Ты видела его шею?!

— Шею?.. Что с шеей?

Медсестра встала на цыпочки, ловя свет уличного фонаря, и когда её взгляд упал на заднюю часть шеи Ци Ханя, она резко втянула воздух сквозь зубы.

— Господи... Он... он же...

— Он держится из последних сил, — врач тяжело вздохнул и тоже взглянул на Ци Ханя.

На его загорелой коже проступали воспалённые, болезненные следы, затылок был покрыт красными пятнами, а железа — словно разодрана когтями. Смешавшиеся с потом капли крови делали это зрелище ещё более пугающим.

— Повреждение железы помогает облегчить альфе приступ, — пояснил врач, — но здесь и так всё ясно: он разодрал себя в спешке, лишь бы не потерять контроль.

Медсестра машинально прикоснулась к собственному затылку, содрогаясь от одной мысли о такой боли.

— Но... зачем? Его парень же был там, рядом! Ради чего такие мучения?..

Врач покачал головой и тяжело выдохнул.

— Перестань верить в сказки, которые пишут в дешёвой литературе. Пик чувствительности — это ад, а не удовольствие. Если альфа не хочет навредить своему партнёру, у него остаётся только один выход — причинить вред себе.

— ...

Когда Ци Хань убедился, что Фу Гэ устроен удобно и надёжно, он вышел и прошёл медицинский осмотр с предельной скоростью.

Врач пристально посмотрел на его шею и осторожно спросил:

— Господин председатель, вам нужно обработать железу?

Ци Хань расстегнул и застегнул манжету рубашки, небрежно бросив:

— Не стоит беспокоиться.

Бинты всё равно долго не продержатся — их придётся сорвать снова.

Первая волна связующей лихорадки миновала без происшествий.

Фу Гэ пролежал без сознания больше получаса, прежде чем пошевелился, слабый, смутный, словно заново возвращаясь в этот мир. Он моргнул, влажные ресницы дрогнули, и слёзы, накопившиеся за всё это время, тут же скатились вниз.

— Ну что за плакса, — Ци Хань, усмехаясь, поцеловал его в уголок глаза. — Ты же сам ничего не просил, а уже сдаёшься?

Бета не нашёл в себе сил огрызнуться. Он просто тихо привалился к его плечу, выравнивая дыхание. Прошло немало времени, прежде чем к нему вернулась капля бодрости. С трудом подняв руку, он погладил его лоб.

— Кажется, жара нет... Тебе всё ещё плохо?

Он сам был в полубморочном состоянии, но первым делом заботился о нём.

Что-то внутри Ци Ханя сжалось. Он взял тонкие, дрожащие пальцы, бережно поцеловал каждый, будто дикий волк, ласкающий свою домашнюю кошку, чтобы успокоить её пушистую шерсть.

— Уже нет, мне намного лучше, — в голосе слышалась нежность, от которой Фу Гэ стало тепло.
— Спи, я держу тебя.

Он и правда ещё долго дремал у него в объятиях, но в какой-то момент, приоткрыв глаза, заметил, что машина всё ещё движется.

— Мы... не едем домой?

— Нет. — Ци Хань усмехнулся, погладил его по пояснице. — Мы сбегает.

В этот момент Фу Гэ окончательно расслабился. Раз его маленький питомец оставлен у бабушки, значит, волноваться не о чем. Он уютно свернулся калачиком и снова провалился в сон.

На этот раз он спал долгие, глубокие часы.

Даже не заметил, как его подняли на руки, перенесли, даже когда самолёт взмыл в небо, унося их прочь.

Он понял, что что-то не так, только когда проснулся уже в другом мире.

Незнакомый деревянный потолок.

Приглушённый свет лампы, отбрасывающей мягкое сияние.

Чья-то сильная рука, лежащая поперёк его талии.

— Выспался? — Ци Хань поцеловал его в лоб, всё ещё держась за него, будто не хотел отпустить. — Если нет, поторопись, а то отпуск закончится, прежде чем ты его заметишь.

— Отпуск?.. — Голос Фу Гэ был ещё утренне-хриплым, но глаза сразу загорелись. — Мы уехали?!

— Вставай и посмотри сам.

Ци Хань поднялся, поднял и его, не дав даже пошатнуться, и поставил прямо у кровати.

Фу Гэ, ещё не до конца проснувшись, босиком рванул к окну.

Тонкие пальцы ухватились за край занавески.

Раз — и мир рухнул на него, накрывая целиком. За окном раскинулись сверкающие белизной вершины Альп. Зелёные долины утопали в золотистом утреннем свете.

Деревянные домики с тёплым светом в окнах выглядели, как крошечные птичьи гнёзда, уютно раскиданные у подножия гор.

Свежий ветер наполнил комнату, снежная пыльца коснулась его ладони и мгновенно растаяла.

Фу Гэ застыл.

— Как... во сне...

Он стоял, словно застывший во времени, поражённый этим видом, этой почти нереальной тишиной, этим чувством, что всё наконец встало на свои места.

Ци Хань подошёл, сплёл их пальцы, прижался к его плечу.

— Угадаешь, где мы?

Фу Гэ, всё ещё замороженный, дрожащими губами выдохнул:

— ...Мюррен?

— Да, — Ци Хань наклонился, его голос прозвучал почти гипнотически. — Наш второй пункт назначения, который мы так и не посетили на выпускном.

Фу Гэ сглотнул, а в следующую секунду Ци Хань повернул его к себе, сжал в объятиях и, прежде чем снова поцеловать, выдохнул прямо в губы:

— Что скажешь, проведёшь со мной здесь мой пик чувствительности?

Вторая волна связующей лихорадки обрушилась с яростью урагана.

Фу Гэ даже не успел сделать и шага за пределы комнаты, как его рывком опрокинули обратно на постель.

Ци Хань больше не сдерживал себя.

Энигма — хищник по натуре, и вот теперь, когда первая волна прошла, его инстинкты брали своё, разрывая последние оковы самоконтроля. Даже когда его собственная железа была разодрана в кровь, даже когда на шее выступили новые следы, это не помогло заглушить яростное, всепоглощающее желание.

Хорошо, что теперь Фу Гэ мог выдержать его целиком.

Свет в маленьком шале горел всю ночь.

И только когда разъярённый Энигма наконец утомился, когда три дня безудержной лихорадки подошли к концу, они, наконец, смогли выйти на свежий воздух.

Первая вещь, которую они сделали после этого, — отправились в горячие источники.

Мюррен — маленькая сказка в швейцарских Альпах, известный как «город в облаках».

Дома здесь строят прямо на склонах, и стоит лишь открыть окно, как взгляду открываются безмолвные снежные вершины. А если вытянуть руку, кажется, что можно прикоснуться к облакам.

Чтобы добраться до горячих источников, нужно было спуститься с горы — сначала по канатной дороге, пролетая над глубокими ущельями, мимо крутых склонов и чёрных хвойных лесов.

В горячем источнике пар поднимался ленивыми волнами.

Ци Хань черпал пригоршню воды и аккуратно обливал его плечи, будто бы совершая ритуал.

В его движениях была до костей проникающая нежность — такая, что можно было задохнуться.

— Нравится здесь?

Фу Гэ расслабился, прикрыв глаза.

— Очень.

— Я купил тот маленький домик на склоне, — голос Ци Ханя был низким, спокойным, но в нём читалась скрытая удовлетворённость. — Если захочешь, на следующий отпуск приедем сюда снова.

Фу Гэ посмотрел на него, уголки губ чуть дрогнули.

— Хорошо. В следующий раз возьмём с собой Сяо Цзюэ. Он точно влюбится в тех миниатюрных пони, что мы видели вчера.

Фу Гэ подтянул к себе плавучий поднос, не спеша взял бокал красного вина и, легонько покрутив его в пальцах, сделал маленький глоток.

А потом, смущённо, но решительно потянулся к его губам.

Ци Хань опустил голову, поцеловал его, но сразу же перехватил инициативу, делая этот поцелуй глубже, насыщеннее. Тёмно-алая влага перелилась между их губами, оставляя сладковато-терпкое послевкусие, пропитывая его губы винной кислинкой.

— С четырнадцати лет и до сегодняшнего дня... — Ци Хань погладил его по спине, удерживая ближе, утопая в его тепле. — Это был самый лёгкий пик чувствительности в моей жизни.

— Без кошмаров, без уколов, без крови.

— Только ты.

Фу Гэ, такой хороший, такой послушный, был рядом всё это время, удерживая его в реальности, заменяя его страшные воспоминания счастьем.

Ци Хань обнял его крепче, спрятал лицо в его шее и, почти шёпотом, выдохнул:

— Ты превратил всю мою боль в радость, Сяо Гэ...

Семь дней. Они побывали в сотне мест, будто хотели оставить след за тех себя, что не смогли приехать сюда пять лет назад.

На автобусе пересекли ущелья «города водопадов», наблюдая, как жёлтые телята медленно бредут по крутым горным тропам.

Фу Гэ, сидя у окна, рисовал альбом путешествия, старательно запечатлевая каждую сцену. И на каждой странице в центре был Ци Хань.

В уютном кафе на обрыве у Шилтхорна читали книги. Когда заходящее солнце низко опустилось к горизонту, казалось, что стоит только протянуть руку — и дотронешься до неба.

Ци Хань сделал десятки снимков, говоря, что они заменят те сгоревшие фотографии, которые больше не вернуть.

Фу Гэ купил две почтовые открытки. Одну подписал для Ци Ханя, вторую оставил себе, не сказав, что на ней написал.

Ци Хань подумал, что это для Сяо Цзюэ.

Даже помог ему придумать смешные, детские фразы.

Но ночью, когда Фу Гэ уже крепко спал, он осторожно вытянул открытку из-под подушки.

На тонкой бумаге не было слов. Только фотография, где они вдвоём, снятая в тот самый год, когда им было восемнадцать.

А внизу — аккуратный, красивый почерк Фу Гэ: «Прошло пять лет, а вы всё ещё вместе. Мы никогда не расставались.»

Последний день перед возвращением. Ци Хань повёл его на парапланеризм.

Ветер был идеальным, температура точно подходящей, и по всей округе в небо взмывали яркие купола, напоминая гигантские одуванчики, медленно оседающие в облачную пучину.

Фу Гэ никогда не пробовал ничего подобного.

Его горячая кровь бурлила от предвкушения, глаза горели, голос звенел от возбуждения. Он выбрал самый яркий купол, схватил Ци Ханя за руку и не переставая щебетал, задавая тысячу вопросов.

— Когда ты научился прыгать с парашютом?!

Ци Хань не хотел отвечать.

Взгляд скользнул в сторону, руки сосредоточенно затягивали ремни на его снаряжении.

Им не нужен был инструктор.

А это означало, что жизнь Фу Гэ была целиком в его руках.

— Ты будешь держать меня на руках во время полёта? — бета вдруг повернулся к нему, смеясь.

— Да.

Ци Хань сильнее прижал его к себе, наклонился к самому уху и шёпотом добавил:

— От вершины до подножия пятьсот метров по вертикали. В горизонте — нет границ.

— Лети, куда захочешь, Сяо Гэ.

— Я всегда буду за твоей спиной.

Внезапный порыв ветра ворвался в ущелье, ударил им в спины.

Ци Хань сжал его руку, разогнался, и вот уже край обрыва был у их ног.

Один мощный прыжок — и раскрывшийся купол потянул их вверх, унося в самую глубину неба.

Они скользили по воздуху, измеряя высотой бесконечные просторы земли.

Под ними расстилались заснеженные горы и зелёные долины. Хвойные леса скрывались в туманной дымке, озёра отражали небо, а крошечные домики казались игрушечными.

Они летели вниз, но ощущение было, будто они стали ещё меньше, крошечными, словно песчинки, растворённые в бескрайности мира.

— А-а-а-а! Это ОФИГЕННО!

Фу Гэ рассмеялся на весь воздух, его голос сорвался в самый восторженный крик, а сердце бешено колотилось, перегоняя чистый адреналин по венам.

Он повернулся и поцеловал его, не думая, не сомневаясь.

Высота. Воздух. Свобода. В тот момент, когда их губы встретились, дрогнули даже души.

Это была тотальная капитуляция доверия. В этом поцелуе было всё — их прошлое, их будущее, и самое важное — настоящее.

Фу Гэ жадно втянул воздух, потом вновь посмотрел ему в глаза:

— Ну так КОГДА ты научился прыгать с парашютом?!

Ци Хань чуть замешкался, будто не хотел вспоминать, но, пролетая между двумя хребтами, наконец заговорил:

— После того, как я отпустил тебя пять лет назад...

— Я приехал сюда один.

— И просто... полгода подряд прыгал с гор, как больной.

Фу Гэ замер.

— ...Искал адреналин?

— Нет, — спокойно, почти равнодушно сказал Ци Хань, но в этой простоте крылась бездна. — Ради желания.

— Говорят, что загаданное во время прыжка с парашютом исполняется с пугающей вероятностью, потому что ты ставишь на кон свою жизнь, заключаешь пари с небесами. Если после прыжка остаёшься в живых — желание сгорает. Если нет... мечта сбывается.

Фу Гэ вздрогнул, будто кто-то коснулся самой глубины его сердца.

— И что же ты загадал?..

Он должен был спросить. Должен был знать, что Ци Хань — после всего, что между ними было, после разрыва, хлещущего, как открытая рана, — решил выторговать у судьбы в обмен на свою жизнь.

Несметное богатство? Возмездие врагам? Или, может, возможность стереть из памяти их прошлое и полюбить кого-то другого — чисто, без боли, без воспоминаний?..

Но альфа позади него только усмехнулся — горько, почти беззвучно — и, подняв лицо к ледяному небу, произнёс:

— Я загадал, чтобы в следующей жизни... Фу Гэ смог по-настоящему любить меня.

Он верил тогда, что любовь маленького беты — ложь, обман, предательство, но даже в этом отчаянии поставил свою жизнь на кон ради одного: ради надежды, что в другом мире, в другом времени они смогут быть счастливы.

Внизу расстилалось зеркало воды, гладкое, как стекло, и ветер, пронизывающий до самых костей, швырял в лицо колючие снежные хлопья.

Фу Гэ шумно втянул воздух, зажмурившись, загоня ком в горле поглубже, запирая его там, не давая голосу дрогнуть. А потом повернулся к нему, сердцем обрываясь в пустоту:

— А-Хань... не нужно ждать другой жизни. Твоё желание уже сбылось. Я буду любить тебя. Всегда. Всем сердцем.

Ци Хань улыбнулся, опустил голову, коснулся губами макушки.

— Этого мало.

Фу Гэ моргнул, едва не захлебнувшись в собственном дыхании.

— Что?

— Гляди вниз, брат.

Параплан вынырнул из ущелья, и перед ними открылось безграничное пространство, залитое холодным зимним светом.

Ци Хань начал снижаться, и где-то на высоте двухсот метров Фу Гэ наконец увидел — под ними, простираясь от края до края, раскинулось поле из цветов, искрящихся в снегу. И среди этого безбрежного белого моря было выложено его лицо.

Его собственное изображение, точное и живое, как фотография из старых студенческих лет, запечатлённое в самом сердце снежного простора.

— Это... это я?..

Слёзы выступили на глазах мгновенно, стремительно, без шанса на удержание. Он застыл, глядя вниз, ошеломлённый, бессильный что-либо сказать, а сердце колотилось так бешено, что заглушало даже свист ветра.

— Не слишком похоже, — голос Ци Ханя звучал тихо, но с улыбкой. — Но я хотел, чтобы весь мир знал, какой красивый у меня малыш.

Фу Гэ прижал ладонь ко рту, судорожно втянул воздух, дрожа от невыразимого потрясения.

— Как... как ты успел... всего за несколько дней... откуда столько цветов...

— Я обошёл все цветочные поля и винодельни, — голос Ци Ханя звучал спокойно, но в этой простоте крылась сила, от которой сердце сжималось. — Сказал им, что хочу, чтобы мой любимый стал самым счастливым человеком на свете.

Параплан наконец мягко коснулся земли, и они оказались среди бескрайнего поля снежных цветов. Ци Хань шагнул вперёд, вынул из кармана кольцо и, опустившись на одно колено, бережно взял Фу Гэ за руку, скользнул тёплыми пальцами по его ледяному запястью.

— Маленький принц, — его голос звучал ровно, но в каждом слове билось сердце, — я отдаю тебе всё, что у меня есть. А ты... отдашь мне себя?

Ответом стал горячий, захваченный дыханием поцелуй под пологом параплана — и прерывистый всхлип, приглушённый губами.

— Я всегда принадлежал тебе.

<http://bllate.org/book/14453/1278382>